На правах рукописи

Кривошеев Алексей Викторович

ФИЛОСОФИЯ ПОСТУПКА М.М. БАХТИНА КАК ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ

09.00.03 – история философии

Автореферат
диссертации на соискание учёной степени
кандидата философских наук

Томск – 2007

Работа выполнена на кафедре истории философии и логики философского факультета ГОУ ВПО «Томский государственный университет»

Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент
Мазаева Ольга Геннадьевна

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор
Колодий Наталия Андреевна
кафедра культурологии и социальной коммуникации ГОУ ВПО «Томский политехнический университет»

кандидат философских наук, доцент
Буденкова Валерия Евгеньевна
кафедра теории и истории культуры ГОУ ВПО «Томский государственный университет»

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Уральский государственный университет» (г. Екатеринбург)

Защита состоится 26 октября 2007 г. в 16.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.267.01 при ГОУ ВПО «Томский государственный университет», по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Учеб. корпус № 4, ауд. № 306.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Томского государственного университета по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 34-а.

Автореферат разослан 24 сентября 2007 года.

Учёный секретарь
диссертационного совета
кандидат философских наук, доцент Мазаева О.Г. Мазаева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования

Михаил Михайлович Бахтин (1895-1975) – выдающийся русский учёный, философ, филолог, лингвист, теоретик искусства и культуры. Фигура знаковая. И, может быть, уже даже риторическая, что выражается в отмечаемой исследователями «пограничности» Бахтина. Однозначно он не вписывается ни в одно философское направление. Наследие этого уникального мыслителя по своим философским истокам входит как в западноевропейскую традицию (И. Кант, Г. Коген, философия жизни и др.), так и в традицию русской философии и культуры (П. Флоренский, Л. Шестов, Н. Бердяев и др.). Более того, его философские и культурологические идеи как в фокусе вобрали в себя многие плодотворные идеи философии второй половины XX века.

Проект «первой философии» Бахтина и его трактат «К философии поступка» вместе, пожалуй, наиболее загадочное явление во всём творческом наследии мыслителя. Проблема того, «что же хотел сказать Бахтин?» на нескольких десятках страниц своей отрывочной, тезисно-конспективной, да ещё к тому же и неоконченной рукописи, остаётся нерешённой до сих пор, несмотря на существование бахтинологии и многолетнюю плодотворную работу бахтиноведов. Философское наследие М.М. Бахтина давно привлекает внимание философов и учёных, как в России, так и за рубежом, и уже значительно разработано. Несмотря на это в бахтинологии до сих пор отсутствует работа, в которой была бы методично и последовательно осуществлена смысловая и функциональная историко-философская реконструкция проекта «первой философии» М.М. Бахтина. Сложилась следующая ситуация: труды, исследующие множество отдельных аспектов философской концепции Бахтина, – есть; труды, претендующие на целостный синтез множества отдельных аспектов в некоторую единую философскую систему, созданную на основе творческого наследия самого Бахтина, – есть; работы, целенаправленно исследующей само основание и исходный пункт всей философской концепции М.М. Бахтина (проект «первой философии»,

выраженный в трактате «К философии поступка»), – нет. Именно фактом отсутствия такой работы вызвана необходимость данного диссертационного исследования.

Таким образом, актуальность нашего диссертационного исследования определяется важностью смысловой и функциональной историко-философской реконструкции проекта «первой философии» М.М. Бахтина, выраженного им в трактате «К философии поступка», как центрального основания и исходного пункта всей многогранной философской концепции М.М. Бахтина.

Степень теоретической разработанности темы исследования

В последние десятилетия предпринят ряд исследований творчества М.М. Бахтина, посвящённых главным образом осмыслению тех или иных отдельных аспектов его философской концепции. Онтологии Бахтина посвящены работы В.Л. Махлина, Н.К. Бонецкой, Е.А. Богатырёвой, Т.В. Щитцовой, В.А. Конева. Эстетические идеи продуктивно освещаются в сборнике научных статей «М.М. Бахтин: Эстетическое наследие и современность». Этические идеи Бахтина исследуются в работах В.А. Мальченковой, Р.И. Александровой, и других. Множество статей, в том числе таких исследователей как В.Н. Турбин, М.К. Рыклин, В.М. Алпатов, посвящено вопросам лингвистики в творчестве русского мыслителя, есть работы раскрывающие герменевтическую концепцию Бахтина. Зарубежные исследователи творчества М.М. Бахтина, такие как М. Холквист, К. Кларк, К. Емерсон, Г. Морсон, Ю. Кристева, так же останавливают своё внимание на какой-либо одной идее Бахтина, подчиняя эту идею своим специальным интересам. В последнее время наметилась тенденция к целостному освещению его наследия, что характерно для некоторых отечественных философских работ: труды уже упоминавшегося В.Л. Махлина, В.С. Библера, Л.А. Микешиной и других.

Термин «the Bakhtin Industry» как выражение динамики развития «бахтинского бума» практически во всех странах Западной Европы и Америки мы встречаем в одноимённой статье G.S. Morson «The Bakhtin Industry», вышедшей ещё в 1986 году. Отечественным аналогом «the Bakhtin Industry»

является «бахтинология», количественные наработки которой постепенно дошли до того предела, который потребовал в своё время учреждения специального издания «Проблемы бахтинологии». Не говоря уже о бахтиноведческих научных журналах типа знаменитого «Диалог. Карнавал. Хронотоп», фундаментальных научных трудах, типа двухтомника «М.М. Бахтин: pro et contra», и сборниках многочисленных конференций, посвящённых М.М. Бахтину и его творческому наследию.

Общая идейно-смысловая непрояснённость философских оснований бахтинского творчества резко оттеняется пестротой интерпретаций отдельных его понятий и положений в различных сферах гуманитарного знания. Один из виднейших постструктуралистов современности и первооткрывательница Бахтина на Западе, Юлия Кристева в своих работах трактует М.М. Бахтина как продолжателя формалистской доктрины, в частности, устанавливает близость между Михаилом Бахтиным и Романом Якобсоном с точки зрения трактовок понятия «дискурс». Согласно Ю. Кристевой, Бахтина следует противопоставлять Гегелю и Аристотелю; она постоянно повторяет, что Бахтин является *структуралистом*, близким к Ф. де Соссюру. Ц. Тодоров движется в том же фарватере, который был проложен в западной бахтинистике Кристевой. В своей монографии он отстаивает точку зрения, что М.М. Бахтин – это «в первую очередь теоретик текста»[1]. Другой известный бахтиновед Майкл Холквист утверждает: «То, что может быть названо философией Бахтина, есть прагматически ориентированная теория познания…»[2]. Разнообразие мнений связано с тем, что восприятие Бахтина на Западе было прямо обусловлено тем порядком, в каком шаг за шагом его работы появлялись в иностранных переводах.

На родине Михаила Михайловича Бахтина ситуация с философским осмыслением его творчества обстоит по сути точно так же. Отчасти, это

[1] Todorov T. Mikhail Bakhtin: The dialogic principle / Transl. by W. Goodzich. – Minneapolis: Minnesota univ. press, 1984. P. 9.
[2] Holquist M. Dialogism: Bakhtin and his World. – London, N. Y.: Routledge, 1990. – XIII. P. 14.

связано с тем, что фундаментальный философский трактат Бахтина «К философии поступка» его соотечественники смогли прочитать только в 1986 году. В.С. Библер, автор первой философской монографии о Бахтине, называет свою работу «Михаил Михайлович Бахтин, или Поэтика культуры», где последний оборот призван выражать существо бахтинской концепции, ядром которой Библер считает книгу «Проблемы творчества Достоевского». Пройдёт всего лишь несколько лет и уже в 1997 году Н.К. Бонецкая напишет: «Причина искажения Библером бахтинского замысла у меня не вызывает сомнений: она – в незнании автором книги в момент её написания трактата Бахтина «К философии поступка», опубликованного позже. Трактат этот действительно ключевой для понимания бахтинского творчества, поскольку именно в нём – а не где-то ещё – Бахтин прямо и недвусмысленно называет свою философскую цель, ставит себе единую задачу на всю жизнь. Он здесь формулирует проект, разворачивание которого оказалось той самой «книгой», которую мыслитель писал с 20-х и вплоть до 70-х годов»[3].

Сегодня можно констатировать факт, что проблема *единства* бахтинской мысли, а точнее проблема связанная с тем, как же теперь собрать всё сказанное о М.М. Бахтине воедино и увидеть за всем этим *самого* Бахтина, становится одной из центральных проблем бахтиноведения. Благодаря работам Г.С. Батищева, Л.А. Гоготишвили, К.Г. Исупова, В.Л. Махлина в отечественной бахтинологии это единство всё больше и больше обретало черты своеобразной философской программы, стержнем который признавался «диалогизм» Бахтина. Вместе с тем, ряд авторов, как в России, так и за рубежом засвидетельствовали своего рода *философский* поворот, который наметился в подходе к Бахтину в начале 80-х годов прошлого столетия, попытку увидеть в Бахтине мыслителя, чьё имя может быть рассмотрено наряду с такими знаковыми именами прошлого столетия как Э. Гуссерль или М. Хайдеггер, увидеть за бахтинским наследием право на более значительное философское

[3] Бонецкая Н. К. «Поэтика культуры» или онтология? // Бахтинский сборник: Сб. статей. – М.: Лабиринт, 1997. Вып. III. С. 299.

признание. Представление философии М.М. Бахтина только как философии диалога, если не искажает, то значительно обедняет исходную перспективу его мысли.

В архиве Бахтина сохранилась весьма загадочная рукопись (уцелевшая не полностью) сугубо философского сочинения, своей проблематикой, основными идеями и языком изложения близкого к его фундаментальному труду «Автор и герой в эстетической деятельности». По мнению многих исследователей именно эта небольшая отрывочная рукопись, озаглавленная позднее издателями «К философии поступка» содержит тезисную и конспективную характеристику *обширного сугубо философского замысла*, началом осуществления которого она и являлась. В работе «К философии поступка» перед нами предстает ранний Бахтин начала 1920-х гг. Бахтин в начале своего долгого творческого пути, что объясняет несколько затруднённый терминологический язык работы, в котором, конечно, сказываются и влияние немецкоязычной философской литературы, в изучение которой был погружен М.М. Бахтин в тот период, и философские тенденции и веяния той эпохи, когда она создавалась. Именно в этой небольшой отрывочной работе скрываются философские истоки и смысловые, методологические корни целого ряда ведущих идей, развивавшихся далее на протяжении более чем полувека деятельности мыслителя.

Постановка проблемы исследования

Общая идейно-смысловая непрояснённость философских оснований творческого наследия М.М. Бахтина, многообразие трактовок (порой прямо противоположных) его ключевых понятий и положений на сегодняшний день не позволяют представить философскую концепцию Бахтина как единое смысловое целое. Явно назрела необходимость разработки предельного основания бахтинской философии, опираясь на которое эту философию можно было бы представить как целостную систему. Поиск предельного основания – это всегда обращение к онтологическим корням, что в нашем случае означает необходимость рассмотрения философии М.М. Бахтина как онтологического

проекта, исходным пунктом которого является, признанный в бахтинологии ключевым для всего бахтинского творчества, трактат «К философии поступка».

Цели и задачи исследования

Цель: смысловая и функциональная историко-философская реконструкция онтологического проекта «первой философии» М.М. Бахтина на основе его ключевого трактата «К философии поступка».

Достижение поставленной цели обеспечивается решением следующих задач:

1. Выявить базовую философскую категорию (основание) бахтинского проекта построения «первой философии» как фундаментальной онтологии или «философии поступка».

2. Эксплицировать перспективный тезисный план построения М.М. Бахтиным своей «первой философии». Подробно и последовательно, опираясь не только на ключевой трактат, но и на другие работы мыслителя, развернуть этот план, раскрыть тезисы.

3. Исследовать онтологический статус категории «долженствование» в философском проекте М.М. Бахтина.

4. Выявить и проанализировать концепты «участного сознания» и «нравственного субъекта» в философском проекте М.М. Бахтина.

Методологические основания исследования

Методологический подход реализован несколькими органично дополняющими друг друга принципами:

1. Полное и безоговорочное *доверие* самому Михаилу Михайловичу Бахтину и созданным непосредственно Бахтиным текстам. Реализация этого принципа доверия позволяет обрести опору, расставить приоритеты и определить ориентиры в чрезвычайно объёмном информационном пространстве современной бахтинологии и «the Bakhtin Industry».

2. Реализация по ходу историко-философского исследования принципов *феноменологической редукции* в том виде как она была выражена в трудах своего первооткрывателя Эдмунда Гуссерля. Смысл этого принципа применительно к данному исследованию можно выразить одним коротким

лозунгом: «К *самому* Бахтину!» – это есть попытка редукции, вынесения за скобки, накопившихся за много десятилетий информационных напластований, ради того, чтобы вновь обнажить, в меру нашего понимания, саму суть бахтинской мысли. И уже на этой основе строить наши дальнейшие изыскания.

3. Метод диалектического дополнения. Под диалектикой в этой работе подразумевается неоплатонический способ философствования – такой способ понимания сущности чего бы то ни было, который раскрывает её в становлении. Неоплатонический способ философствования как диалектику блестяще применил в своих работах А.Ф. Лосев, для которого «…диалектика есть единственный способ охватить живую действительность в целом. Больше того, диалектика есть просто ритм самой действительности»[4]. Применительно к историко-философскому исследованию диалектика позволяет выявить не проявленные смысловые грани объекта исследования, восстановить утраченные смыслы, развить и дополнить объект до логичного смыслового целого путём его диалектического соотнесения с другими подобными объектами.

4. Обращение к методу научного познания (основным принципам герменевтического метода) самого М.М. Бахтина, суть которого в опоре на идею диалогической целостности различных элементов. В системе философских принципов Бахтина, субъект познания находится в диалогических отношениях со своим объектом, на равных с ним выступает в бесконечно изменяющемся бытии. В силу этого достичь понимания своего объекта исследователь может только в многократно осуществляющемся акте диалогического проникновения в его смысл, причем последний не задан в своей завершенности, а творится именно в актах отношения «субъекта» и «объекта».

Научная новизна исследования и положения, выносимые на защиту

Впервые осуществлена смысловая и функциональная историко-философская реконструкция проекта «первой философии» (или философии поступка) М.М. Бахтина на основе его известного трактата «К философии

[4] Лосев А. Ф. Из ранних произведений. – М.: Правда, 1990. С. 13.

поступка». Этот трактат разворачивает перед нами самобытную авторскую фундаментальную онтологию.

1. Фундаментальная онтология М.М. Бахтина основывается на поступке человека и выступает в качестве самобытной философии поступка.

2. Основание фундаментальной онтологии как абсолютно непоколебимое, обладает абсолютным долженствованием: поступок является абсолютно долженствующим для всякого, кто его совершает. В связи с чем утверждается, что исходным пунктом, базисом и фундаментом онтологического проекта «первой философии» М.М. Бахтина является категория «долженствование».

3. Источником долженствования поступка является не теоретические и практические науки (наука в строгом смысле слова, эстетика, этика и т.п.), а только участное сознание нравственного субъекта. В результате осуществлённой феноменологической аналитики участного сознания раскрыта его структура и показано, что долженствование поступка есть участность сознания в бытии.

4. Единственным мерилом долженствования и нравственности поступка является нравственный субъект. Показано, что нравственным субъектом является человек, ставший индивидуально-исторической ответственной личностью («персоной»). Условием становления нравственного субъекта является процесс освоения и накопления информации, предоставляемой человеку культурой.

Теоретическая и практическая значимость исследования

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в результативной попытке историко-философской реконструкции проекта «первой философии» (или философии поступка) М.М. Бахтина на основе его известного трактата «К философии поступка».

Научно-практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы для углубленного изучения и понимания философской концепции М.М. Бахтина, для решения дискуссионных этических проблем в области современной философии. Также материалы исследования могут быть применены в процессе подготовки специалистов в области истории

философии, этики, культурологии. Материалы диссертационного исследования используются в учебном курсе по философии и привлекаются для разработки спецкурса «Философия поступка М.М. Бахтина».

Апробация результатов исследования

Основные научные положения данного диссертационного исследования нашли своё отражение в опубликованных работах автора, а также были представлены и обсуждены на конференциях и семинарах различных уровней: Всероссийском философском семинаре молодых ученых им. П.В. Копнина, Всероссийской научно-практической конференции «Наука и образование», Региональной научно-практической конференции «Актуальные проблемы социальных наук» и других. Материалы исследования использовались при подготовке лекционных и семинарских занятий по курсам «Философия» и «История мировой и отечественной философии» на кафедре философии Сибирского государственного медицинского университета.

Результаты диссертационного исследования обсуждены на научных аспирантских семинарах философского факультета Томского государственного университета. По результатам исследования там же был прочитан спецкурс «Философия поступка М.М. Бахтина как онтологический проект».

Структура и объём диссертационного исследования

Структура диссертации определена целью исследования и отражает последовательность решения поставленных задач. Диссертация состоит из введения, 2`х глав, 4`х параграфов, заключения, списка литературы, который включает 161 источник, из них 8 на английском языке. Объём диссертационного исследования – 130 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы исследования и степень её теоретической разработанности, определены цель, задачи, методологическая база исследования, научная новизна и положения, выносимые на защиту. Здесь же раскрывается теоретическая и практическая значимость диссертационной работы, обозначается её структура.

Первая глава «Философия поступка Михаила Михайловича Бахтина как проект фундаментальной онтологии» состоит из двух параграфов и посвящена решению трёх задач. Во-первых, выявлению центральной философской категории «первой философии» М.М. Бахтина. Во-вторых, экспликации тезисного плана построения Бахтиным своего философского проекта. В-третьих, исследованию онтологического статуса категории «долженствование» как базисной категории в проекте «первой философии» М.М. Бахтина.

В **первом параграфе «Категория «долженствование» как основа философии поступка»** философия поступка М.М. Бахтина обосновывается в качестве фундаментального онтологического проекта, строящегося вокруг категории «долженствование».

М.М. Бахтин начинает свою работу с того, что указывает два ключевых плана, в рамках которых разворачивается бытие человека. Первый план человеческого бытия – «культура», второй – «жизнь». Одновременно с этим Бахтин намекает на существование некоего третьего плана – «единого и единственного», в котором бытие человека обретает свою однозначную целостность. Целостность бытия человека заключается в его способности обрести так называемое «единство двусторонней ответственности» – и за своё содержание («специальная ответственность» или «культура»), и за своё воплощение этого содержания в конкретном бытии («нравственная ответственность» или «жизнь»). Целостность бытию, по мысли М.М. Бахтина, задаёт взаимная ответственность упомянутых двух планов друг перед другом, порождая этим третий план человеческого бытия – «единое и единственное бытие-событие» или поступок. «Первая философия» должна органично синтезировать все три упомянутых плана, причём не в рамках абстрактных теорий, а в жизни конкретно бытийствующего человека. То есть, «первая философия» должна явиться как целостная «философия единого и единственного бытия-события», или «философия поступка», или фундаментальная онтология.

Поступку М.М. Бахтин придаёт особый онтологический статус:

- Поступок задаёт бытию человека его необходимую целостность.
- Поступок задаёт бытию человека его необходимую конкретность (бытие человека превращается в единое целостное событие, состоящее из бесконечного числа таких же единых и целостных событий).
- Поступок обладает определёнными качественными бытийными характеристиками: «единственность», «целостность», и «единость» в своей «ответственности». Только поступок, отвечающий подобным характеристикам, является «действительным поступком».
- Фундаментальная онтология («первая философия») может быть основана только на «действительном поступке» человека.

Препятствием на пути к созданию «первой философии» является то, что человеческое сознание берёт содержательно-смысловой момент мысли отвлечённо от её индивидуально-исторической стороны, то есть берёт мысль не как единственный, целостный и единый в своей ответственности *действительный поступок*, а только как один из моментов этого поступка, как *общезначимое теоретическое суждение*. А для этой общезначимо-теоретической стороны поступка совершенно безразлична индивидуально-историческая сторона: автор, время, условия и нравственное единство его жизни. Таким образом, в бытие человека вносится раскол, разрушается цельность и целостность поступка, а значит и его действительность – поступок человека приобретает статус *не-действительного*, и вместе с ним статус не-действительного приобретает и его *бытие*. Однако от этой общезначимо-теоретической стороны поступка нельзя отмахнуться. Она есть и должна быть.

Но может ли поступок, понятый как общезначимое теоретическое суждение, то есть взятый только с одной своей стороны, явиться необходимым и достаточным основанием первой философии? Ведь основание фундаментальной онтологии должно быть абсолютно непоколебимым, должно обладать абсолютным *долженствованием*: поступок должен быть абсолютно долженствующим для всякого, кто его совершает. Но таковым не может стать поступок, взятый только со своей смысловой общезначимо-теоретической стороны. М.М. Бахтин разъясняет этот момент, связывая принцип

долженствования с понятием истинности теоретического суждения. Что *заставляет* меня теоретически истинное и общезначимое суждение воплощать в индивидуально-исторический поступок? Почему в одном случае теоретическая истина будет дополнена и воплощена в жизнь индивидуально-историческим ответственным поступком, а в другом этого не случится? Бахтин пишет: «Момент теоретической истинности необходим, чтобы суждение было долженствующим для меня, но не достаточен, истинное суждение не есть тем самым уже и должный поступок мышления»[5]. Иначе говоря, для теоретической значимости (истинности) суждения безразличен индивидуально-исторический момент. Бахтин подчёркивает, что *меня*, живого, целостного, действительно мыслящего и ответственного за акт моего мышления, нет в моём теоретически значимом суждении.

Итак, с одной стороны, ответственно-живое, индивидуально-историческое *долженствование*, с другой стороны – формально-логическая, общезначимо-теоретическая *истинность*. На первый взгляд может показаться, что налицо явное противоречие, ситуация антагонистического противостояния несводимых друг к другу сторон. И это было бы действительно так, если бы бытие человека не было бы единым, цельным и целостным, органично со-единяя в себе множество разнообразных миров, среди которых центральное положение занимают два мира: *мир отвлечённо-теоретический автономный* и *мир участно-исторический ответственный*. Эти миры – как две стороны одной медали, каждый – выполняет свою функцию, вместе они образуют одно единое и единственное целое. Общезначимо-теоретическая истинность суждений порождается первым миром, индивидуально-историческое долженствование поступков – вторым.

Далее, мы выявили имплицитно содержащиеся в тексте трактата «К философии поступка», основные тезисы М.М. Бахтина, заявляемые им в качестве перспективного плана построения своей фундаментальной онтологии. Следует указать на то, что эти тезисы никак стилистически не выделены самим

[5] Бахтин М. М. К философии поступка // Бахтин М. М. Работы 20-х годов. – Киев: Next, 1994. С. 13.

Бахтиным (и, позднее, издателями) в тексте самого трактата. Экспликация этих тезисов из общего смыслового целого массива бахтинского текста – находка автора данного исследования. Другое дело, что даже будучи не выделены каким-либо специальным образом самим Бахтиным, упомянутые тезисы явно *предполагались* им в качестве плана или своеобразного ключа к адекватному пониманию и дальнейшей разработке как рассматриваемого нами трактата, так и всей своей философии в целом. Вот эти тезисы[6]:

1. Ни одно теоретическое определение и положение не может заключать в себе момент долженствования и он не выводим из него.

2. Долженствование не имеет определённого специально теоретического содержания. Как подчёркивает Бахтин: «На всё содержательно значимое может сойти долженствование, но ни одно теоретическое положение не содержит в своём содержании момента долженствования и не обосновывается им».

3. Нет научного эстетического и прочего долженствования, но нет и специально этического долженствования в смысле совокупности определённых содержательных норм. Так называемые этические нормы суть главным образом социальные положения, и когда будут обоснованы соответственные социальные науки, они будут приняты туда.

4. «Долженствование есть своеобразная категория поступления-поступка (а всё, даже мысль и чувство, есть мой поступок), есть некая установка сознания…».

5. «Нет определённых и в себе значимых нравственных норм, но есть нравственный субъект с определённой структурой (конечно не психологической или физической), на которого и приходится положиться: он будет знать, что и когда окажется нравственно-должным, точнее говоря вообще должным...».

Во **втором параграфе «Долженствование научное, эстетическое, этическое»** исследуется онтологический статус категории «долженствование» в философском проекте М.М. Бахтина.

---

[6] Бахтин М. М. К философии поступка // Бахтин М. М. Работы 20-х годов. – Киев: Next, 1994. С. 14.

В целом наука понимается Бахтиным как некоторый отвлечённо-теоретический, автономный и самозаконный мир, в котором, наравне с другими мирами, тоже разворачивается единое бытие человека. Проходя через этот мир, единое и единственное событие бытия (поступок) человека разъединяется и принимает форму общезначимого теоретического суждения, для которого становится безразличной индивидуально-историческая сторона единого и целостного поступка. Утратив цельность и целостность в теоретическом мире, превратившись в теоретическое суждение, пусть даже истинное, поступок утрачивает своё долженствование. Существенный недостаток отвлечённо-теоретического мира науки заключается в том, что его суждения живого, бытийствующего событиями и в событиях собственной жизни *поступающего человека*, в действительности *ни к чему не обязывают*, а значит, не могут являться и основанием человеческого бытия вообще и основанием проекта фундаментальной онтологии в частности. Оторвав содержательно-смысловую сторону поступка от действительно-исторического акта его осуществления, мы лишь путём некоего *спекулятивного скачка* можем задать человеческому поступку необходимое ему долженствование, что по меткому выражению Бахтина – «…то же самое, что поднять самого себя за волосы»[7]. Отвлечённо-теоретический мир развивается и живёт по таким законам, *как если бы меня не было*, но удивительнейший парадокс заключается как раз в том, что *я всё же есть*.

Возможно ли пробиться в действительный живой мир вечно свершающегося «единого и единственного бытия-события» (поступка) из мира эстетического бытия средствами «эстетического познания»? Эстетическим познанием, следуя мысли М.М. Бахтина, мы можем назвать связку *созерцание – вживание*, раскрывающуюся как эстетическое в*и*дение индивидуального предмета *как бы изнутри*, но при этом оставаясь ему *снаружи*. Однако дело в том, что продукт эстетического созерцания точно также отвлечён от самого действительного и живого акта эстетического созерцания, как оторвана

[7] Бахтин М. М. К философии поступка // Бахтин М. М. Работы 20-х годов. – Киев: Next, 1994. С. 15.

содержательно-смысловая сторона теоретического суждения от действительно-исторического акта его осуществления. Поэтому для эстетического созерцания поступок остаётся точно таким же неуловимым и непознаваемым как и для теоретического познания. Мир эстетического бытия совсем не есть тот мир, в котором я живу, хотя его содержательная сторона в той или иной степени, несомненно, вложена в меня как субъекта.

Все вышеописанные замечания Бахтин относит и к такому моменту эстетического познания как вживание. Эстетическое вживание принципиально не может дать знание единого и единственного бытия в его событийности. Но даёт лишь некоторое вариативное в*и*дение внеположного субъекту бытия, причём это в*и*дение бытия опять-таки вообще ни к чему нас не обязывает. Хотя эстетическое бытие явно ближе к действительно-историческому единству единого события бытия, чем отвлечённо-теоретический самозаконный мир, всё же средства эстетического познания тоже не обеспечивают искомого и необходимого единства и взаимопроникновения смыслового содержания (продукта) поступка и действительно-исторического, обладающего абсолютным долженствованием его свершения (акта). Не обеспечивают вследствие отчуждения субъекта эстетического познания в процессе эстетического познания от самого себя как живого, единственного, незаменимого участника абсолютно долженствующего события бытия. В мире эстетического бытия и в средствах эстетического познания мы никогда не сможем найти «долженствования», «единственного индивидуально-исторического бытия-события», «ответственного участия в этом бытии-событии», и в целом, действительного поступка. Поскольку, будучи «отвлечённым» и «непринципиальным» в силу самой специфики мира эстетического бытия, поступок, пребывая в его рамках, не может обрести для человека его совершающего статус абсолютно долженствующего. То есть, поступок, взятый со своей эстетической стороны тоже не обладает для человека абсолютным долженствованием.

В дошедшей до нас рукописи трактата «К философии поступка» (да, собственно, и в более поздних своих работах тоже) М.М. Бахтин не проводит

подробного анализа существующих этических учений. Однако в трактате мы обнаруживаем общий методологический анализ принципов построения всех этических систем. Тональность всем своим рассуждениям на тему этики Бахтин сразу задаёт следующим тезисом: «Здесь нам остаётся лишь показать, что практическая философия в её основных направлениях отличается от теоретической лишь по предмету, но не по методу, не по способу мышления, т.е. что и она сплошь проникнута теоретизмом, а для решения этой задачи различия между отдельными направлениями не существует»[8]. Все возможные этические системы он подразделяет на две группы: материальные и формальные. *Материальная* или содержательная этика занимается поиском и обоснованием общезначимых для каждого человеческого существа специальных нравственных норм. В соответствие с этикой подобного типа поступок будет этичен тогда, когда он нормируется соответственной нравственной нормой, имеющей определённый содержательный характер. *Формальная* этика выставляет всем человеческим существам всеобщий принцип нравственного поведения, общезначимое нравственное предписание (например, категорический императив И. Канта). В соответствие с этикой подобного типа поступок будет этичен тогда, когда он будет законосообразен, то есть, когда будет определён этим всеобщим принципом нравственного поведения как общезначимый закон, лишённый в то же время определённого индивидуально-исторического содержания. Анализируя материальную и формальную этики как два предельно обобщённых класса всех этических систем, Бахтин выдвигает против каждой из них два принципиальных возражения.

Первое возражение материальной этике. Практически всегда подобные «этические» нормы на самом деле являют собой методически нерасчленённый конгломерат различных принципов и оценочных суждений. В материальной этике собственно *долженствование*, то есть превращение некоторого теоретического положения в субъектно-субъективно значимую норму остаётся

[8] Бахтин М. М. К философии поступка // Бахтин М. М. Работы 20-х годов. – Киев: Next, 1994. С. 27.

совершенно необоснованным. Отсюда становится совершенно ясным, что все содержательные нормы будут относительны в смысле их связи с долженствованием, поскольку оно пристёгивается к ним откуда-то извне.

Второе возражение материальной этике. Долженствование не может быть распространено, относиться к каждому. Это ошибочное предположение возникает из-за того, что содержание нормы берётся из теоретически значимого суждения, а форма от правового закона или религиозной заповеди, и из этого ошибочно выводится и общность для всех человеческих существ какой-либо нормы. Хотя на самом деле, подобное сочетание содержания и формы является ошибочным.

Первое возражение формальной этике. «Она исходит из совершенно правильного усмотрения, что долженствование есть категория сознания, форма, не могущая быть выведенной из какого-нибудь определенного материального содержания. Но формальная этика, развившаяся исключительно на почве кантианства, далее мыслит категорию долженствования как категорию теоретического сознания, т.е. теоретизует её, и вследствие этого теряет индивидуальный поступок»[9]. Но долженствование не есть ни категория теоретического сознания, ни общезначимое научное суждение, ни эстетическое суждение и т.д.

Второе возражение формальной этике. «…закон предписан себе самой волей, она сама автономно делает своим законом чистую законосообразность – это имманентный закон воли»[10]. Проблема в том, что здесь мы имеем такую же иллюзию как и в теоретическом самозаконном мире: там – царствует безудержная активность теоретического разума, с которой не имеет ничего общего «проза жизни» конкретно-исторического человека, для которого эта активность разума пассивно обязательна, здесь – воля сама создаёт закон, которому и входит в подчинение, как индивидуально-ответственная умирая тем самым в этом своём продукте. Всё это существенно искажает действительность долженствования и не даёт подхода к действительному поступку. Да, воля,

[9] Бахтин М. М. К философии поступка // Бахтин М. М. Работы 20-х годов. – Киев: Next, 1994. С. 29-30.
[10] Там же. С. 30.

безусловно, творчески активна в любом поступке, но из этого ещё никак не следует, что воля нормирует поступок, задаёт ему норму, превращает в общезначимое положение.

«Роковой теоретизм» как отчуждение от индивидуально-ответственного и конкретно-исторического положения человека в бытии имеет место и в этических системах. Этика не только не может обосновать факта долженствования, она сама этим фактом обоснована, всецело зависима от него. А это, в свою очередь, означает, что на этику, точно также как и на науку (в традиционном её понимании), и на эстетику нельзя положиться в деле построения фундаментальной онтологии как философии поступка.

Только *изнутри* самого действительного поступка, *изнутри* единого и единственного в своей ответственности, целостного события бытия возможен выход к самому единому и единственному объемлющему человека *бытию* в его живой и конкретной действительности. Только на сам действительный поступок, на абсолютно необходимый (долженствующий) факт его свершения можно ориентировать фундаментальную онтологию. И способно на свершение действительного поступка только *участное сознание* человеческого существа. Именно участное сознание задаёт поступку необходимое *долженствование*.

Вторая глава «Участное сознание» и «нравственный субъект» в философском проекте М.М. Бахтина» состоит из двух параграфов и посвящена рассмотрению концептов «участного сознания» и «нравственного субъекта» и выявлению их значения в онтологическом проекте «первой философии» как философии поступка М.М. Бахтина.

В **первом параграфе «Феноменологическая аналитика участного сознания»** участное сознание обосновывается в качестве единственного источника долженствования поступка.

Во-первых, участное сознание – это *ответственное* сознание, это сознание, берущее на себя всю полноту абсолютной ответственности за свои поступки (за события своего бытия) и одновременно задающее всю полноту ответственности самим своим поступкам. А ответственность поступка (или за поступок), в свою очередь, «…есть учёт в нём всех факторов: и смысловой

значимости, и фактического свершения во всей его конкретной историчности и индивидуальности…»[11]. Ответственность как первый план участного сознания, соотносит фактическое свершение и смысловую значимость поступка, его конкретную историчность и общетеоретическое содержательное наполнение, реальность и идеальность поступка, и разрешает заданную целостность события бытия в единый и единственный «конкретный контекст», «последний контекст», который является ничем иным как «единым и единственным бытием жизни».

Во-вторых, участное сознание – это *говорящее, высказывающееся, языковое* сознание. Тот, кто отважился говорить, отважился на высказывание, воспользовался языком – тот *уже* в той или иной степени с необходимостью участно мыслит, *уже* в той или иной форме с необходимостью ответственно поступает. Сам *язык* человеческий есть одна из составляющих *долженствования*.

В-третьих, участное сознание – это *переживающее* сознание. Участному сознанию в принципе ничто не может быть безразлично («просто дано», «сплошь готово», «индифферентно»). Это означает, что все предметы и отношения участным сознанием всегда *переживаются*. Переживать что-либо в данном случае не значит о чём-либо «волноваться», «сомневаться», «огорчаться», «радоваться» и т.п. В данном случае М.М. Бахтин преодолевает психологические рамки этого понятия и выходит к рамкам глубинным и фундаментальным – онтологическим. *Пере-живать* что-либо означает здесь наделять это что-либо превосходной степенью («очень», «слишком») собственного бытия, дополнять бытие до целого и целостного, переводить из безответственного состояния «просто данного» в ответственное состояние «заданного» или «уже должного» события.

В-четвёртых, участное сознание – это *эмоционально-волевое* или *интонирующее* сознание. Всё действительно переживаемое (пере-живаемое) с абсолютной необходимостью *интонируется*, ему задаётся некоторый

[11] Бахтин М. М. К философии поступка // Бахтин М. М. Работы 20-х годов. – Киев: Next, 1994. С. 32.

эмоционально-волевой тон, посредством чего переживаемое «…вступает в действенное отношение ко мне в единстве объемлющей нас событийности»[12]. Это означает, что переживаемое участным сознанием получает ценностное к себе отношение: отношение не как к просто какой-либо данности, но как к заданности. Участное сознание превращает переживаемое, задавая ему эмоционально-волевой тон, в момент своей живой событийности (действительный поступок). Дефиниция эмоционально-волевого тона складывается из трёх граней:

- это утверждённая участным сознанием ценность переживаемого им;
- это активная деятельность участного сознания бытийно закрепляющая переживаемое в действительной должной необходимости ответственного поступка;
- это утверждение правды бытия как ответственной единственности участного сознания.

В-пятых, участное сознание – это сознание *осознающее*, *признающее и утверждающее факт своего не-алиби в бытии*. В одно глубочайшее понятие-образ, понятие-метафору, понятие-символ «не-алиби в бытии» М.М. Бахтину удалось органически соединить семь следующих ключевых моментов[13]:

- «…я причастен бытию единственным и неповторимым образом, я занимаю в единственном бытии единственное, неповторимое, незаместимое и непроницаемое для другого место».
- «В данной единственной точке, в которой я теперь нахожусь, никто другой в единственном времени и единственном пространстве единственного бытия не находился».
- «…вокруг этой единственной точки располагается всё единственное бытие единственным и неповторимым образом».
- «То, что мною может быть совершено, никем и никогда совершено быть не может».
- «Единственность наличного бытия принудительно обязательна».

---

[12] Бахтин М. М. К философии поступка // Бахтин М. М. Работы 20-х годов. – Киев: Next, 1994. С. 35.
[13] Там же.С. 41

- «Простое познание его <то есть этого факта. – А.К.> есть низведение его на низшую эмоционально-волевую степень возможности. Познавая его, я его обобщаю: всякий находится на единственном и неповторимом месте, всякое бытие единственно».
- «Этот факт…, лежащий в основе самого конкретного и единственного долженствования поступка, не узнаётся и не познаётся мною, а единственным образом признаётся и утверждается».

Участное сознание человека осознаёт и со всей ответственностью признаёт факт своего не-алиби в бытии, как результирующую всех семи приведённых выше моментов. Только это признание делает сознание человека *участным*, а самого человека, точнее сказать его бытие, *человечным*. Участным сознанием, на основе своего не-алиби в бытии, снимаются и продуктивным образом преодолеваются антагонистические противоречия многих бытийных полюсов (пассивность и активность, данное и заданное, бытие и долженствование, возможное и действительное, многое и единое, общее и индивидуальное, большое и малое), тем самым бытию возвращается его изначальная целостность.

В-шестых, участное сознание – это *диалогическое*, *диалоговое* сознание. М.М. Бахтин неоднократно обращает внимание на то, что жить в этом мире из *самого* себя, со *своего* единственного и уникального места в жизни (то есть признавать и утверждать в поступках своё не-алиби в бытии), отнюдь не значит жить только собою и только для себя. Наоборот, это значит долженствующе участвовать в жизни единого целого бытия (*со*-бытия) которое слагается, как из действительных слагаемых, из индивидуально исторических, неповторимых и единственных миров бесконечного множества участных сознаний. И, наконец, это означает фундаментальную онтологическую необходимость для каждого уникального участного сознания со своего единственного и неповторимого места в бытии вести непрекращающийся вечный *диалог* с бесконечным множеством других *участных* сознаний, вместе составляющих единое и единственное целое бытия (*со*-бытие). Фактически же Бахтин явно намекает на

то, что именно этот *диалог участных сознаний* и есть то, что в философии называется *бытие*.

В целом, обобщив все шесть приведённых моментов, можно сказать, что участное сознание – это поступающее сознание, сознание никак не отделимое от своих поступков, и в своих поступках онтологически укоренённое. Долженствование никак не отделимо от участного сознания, и в участном сознании онтологически укоренено, поскольку *долженствование это и есть сама участность сознания в бытии*.

Во **втором параграфе «Нравственный субъект как мерило нравственности и долженствования»** определяется значение нравственного субъекта в проекте «первой философии» М.М. Бахтина, объясняется процесс становления нравственного субъекта.

Понятие нравственного субъекта как «действительного» и «живого» М.М. Бахтин отчётливо противопоставляет традиционному метафизическому представлению о субстанции, восходящему к Аристотелю. Нравственный субъект Бахтина как живой индивидуально-исторический ответственный человек, личность (персона) не «лежит в основании» события бытия (поступка), но выступает единым и единственным местом его свершения. Он не дан, но задан, сам себя задаёт. Он не может принадлежать событию бытия потому, что только в нём и только им определяется. Нравственный субъект – не абстрактно-пассивное основание события, но конкретно-активное его живое действующее лицо – «персона».

По мысли Бахтина нравственный субъект – это человек, ставший (не данный себе, но заданный себе самим собой) «персоной», живой ответственной личностью, «участным сознанием». Только участное сознание способно определить себя (стать) в качестве нравственного субъекта и теоретически и практически. Только такой человек способен на нравственный поступок. Как нравственный субъект человек своей жизнью проделывает огромную работу, в каждом конкретном случае сознательно и ответственно (исходя из своего «не-алиби в бытии») определяя для себя, что в данных обстоятельствах есть «нравственно», а что «безнравственно», закрепляя затем в бытии нравственное

своими действительными абсолютно долженствующими поступками (событиями бытия). Нравственный субъект – это человек, задающий себя в качестве живой участной личности («участного сознания») себе сам. И только в таком качестве на него действительно можно положиться, поскольку в таком качестве он, действительно, «…будет знать, что и когда окажется нравственно-должным, точнее говоря вообще должным...»[14], то есть будет выступать в качестве *мерила* нравственно-должного.

Очевидно, что человек появляется в этом мире ещё не во всей полноте возможного для него нравственного совершенства: не как нравственный субъект, а только лишь как новорождённый (и в определённом смысле ещё абсолютно безответственный) младенец, будущее которого многовариантно, который полностью зависит от реалий культуры. Человек изначально, с момента своего рождения, помещён в мир культуры. В этом мире накоплен и зафиксирован гигантский массив информации, который принято называть опытом. То есть, человек, помимо всего прочего, является ещё и *субъектом культуры*, имеющим дело с этим опытом, поскольку в своих поступках, он в определённой мере, но при этом с абсолютной необходимостью, опирается на него. Сознание человека развивается только внутри культурного целого, становясь (или не становясь) в процессе своего развития *участным* сознанием.

Культура же во многом питает и взращивает личность (ту самую «персону», того самого «действительного» и «живого» *нравственного субъекта* Бахтина, в которого, в конце концов, должен переродиться безликий субъект культуры), обеспечивает человека образцами и средствами решения личностных задач, задаёт и сами эти задачи, косвенным образом формируя тем самым степень участности сознания. В целом это означает, что человеку необходимо не только усваивать эту информацию, этот опыт, но и преобразовывать на его основе свои естественные возможности и способности так, чтобы состоялось его «второе рождение» – рождение нравственного субъекта в самом себе.

---

[14] Бахтин М. М. К философии поступка // Бахтин М. М. Работы 20-х годов. – Киев: Next, 1994. С. 14.

Освоение культурного опыта (информации) не происходит автоматически и не является спонтанным, оно требует произвольных осознанных усилий, специально организованной деятельности. Известные другим знания человек не может просто «взять» – он должен переоткрыть их для себя, должна состояться предельно личная встреча с ними, должен иметь место диалог. М.М. Бахтин остро чувствовал эту проблему: «Культурные ценности суть самоценности, и живому сознанию должно приспособиться к ним, утвердить их для себя... Этим путём живое сознание становится культурным, а культурное – воплощается в живом... Всякая общезначимая ценность становится действительно значимой только в индивидуальном контексте»[15].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что условием становления нравственного субъекта является процесс освоения и накопления информации, предоставляемой человеку культурой. Иначе говоря, существует зависимость становления человека в качестве нравственного субъекта от той культуры (информационной среды), в которой протекает его жизнедеятельность.

М.М. Бахтин один из первых забил тревогу по поводу того, что культура XX века всё больше обнаруживает тенденцию деградации нравственного субъекта (не говоря уж об участном сознании), когда поступок сводится к уровню элементарной биологической и экономической мотивировки («кризис поступка»). Вследствие чего мотив и его продукт оказываются разделёнными бездной безнравственности и безответственности. А это, в свою очередь, определяет цель нынешнего этапа истории человеческой цивилизации – взращивание самими людьми по их свободному, осознанному и ответственному выбору иной культуры – культуры нравственно праведной, культуры диалогической в истинном смысле этого слова.

В **Заключении** подведены основные итоги работы, намечены перспективы дальнейшего развития исследования.

Список использованной литературы приведён в конце работы.

[15] Бахтин М. М. К философии поступка // Бахтин М. М. Работы 20-х годов. – Киев: Next, 1994. С. 37-38.

Основные положения диссертационного исследования отражены автором в следующих публикациях:

1. Кривошеев А.В. Поступок как основание фундаментальной онтологии М.М. Бахтина // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – № 300 (III). – С.34-38. (0,55)

2. Кривошеев А.В. Методологический смысл философии поступка М.М. Бахтина // Труды Всероссийского философского семинара молодых ученых им. П.В. Копнина (сессия 2): Труды Томского государственного университета. – Т. 268. – Сер. философская. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. – С. 105-108. (0,25)

3. Кривошеев А.В. Философия поступка М.М. Бахтина как образец принципиально новой философии познания // X Всероссийская конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука и образование» (15-19 мая 2006 г.): Материалы конференции: В 6 т. – Томск: Изд-во Том. гос. педагог. ун-та, 2006. – Т. 5: Культурология, философия, социология. – С. 160-166. (0,35)

4. Кривошеев А.В. От философии поступка М.М. Бахтина к этике поступка // Иниция. Выпуск 7: Сборник материалов VII региональной межвузовской конференции молодых ученых «Актуальные проблемы социальных наук», 20-21 апреля 2005 г. – Томск: Томский государственный университет, 2006. – С. 59-64. (0,3)

5. Кривошеев А.В. Философия поступка М.М. Бахтина как проект фундаментальной онтологии: бытие теоретическое и эстетическое // Initia: Сборник материалов VIII региональной межвузовской конференции молодых ученых «Актуальные проблемы социальных наук», 21-22 апреля 2006 г. – Томск: Томский государственный университет, 2007. – Вып. 8. С. 55-63. (0,6)